

ЗКП(092)

Влад. Бонч-Бруевич.

329 (47) [к]

Б 815 к

**Как печатались за границей и
тайно доставлялись в Россию
запрещенные издания нашей
партии.**

осии по улучшению жизни детей при
тивного Издательства „Жизнь и Знание“.

Москва - 1924 г.

92-2к

Издание Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК
и Кооперативного издательства „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.

Москва, Никольская ул., д. 5. Телеф. 1-25-13.

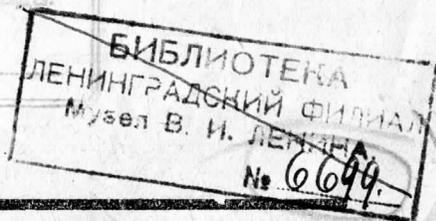
Библиотека документов, записок и воспоминаний. Кн. 4-я.

Влад. Бонч-Бруевич.

817к

Как печатались за границей и
тайно доставлялись в Россию
запрещенные издания нашей
партии.

Уч. ф.

Москва. — 1924 г.

92-2332/18

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Глава I. Группа „Освобождения Труда“	5
Глава II. „Рабочее Дело“ и первый раскол в социал-демократии.	11
Глава III. „Искра“	13
Глава IV. Распространение с.-д. литературы через случайных сочувствовавших.	15
Глава V. Распространение нашей литературы через „Бунд“, „П. П. С.“, курорты и книжные магазины	20
Глава VI. Транспорт „Искры“	22
Глава VII. Соц.-демократическая организация „Жизнь“ и ее транспорт.	22
Глава VIII. Встреча с Весманом в Риге после 9 января 1905 года	40
Глава IX. После раскола с.-д. партии на втором съезде	42
Глава X. Организация новой экспедиции	45
Глава XI. История почтового адреса	49
Глава XII. Борьба за самостоятельный адрес большев.	56
Глава XIII. Нелегальная работа в войсках	66
Глава XIV. Выход книги Вл. Ил. Ленина „Шаг вперед,— два шага назад“	80
Глава XV. Окончательное организационное отделение большевиков от меньшевиков.	84
Глава XVI. Организация нового большевистского издательства.	85
Глава XVII. Организация и оживление групп содействия	87
Глава XVIII. Мелкий транспорт.	89
Глава XIX. Деятельность нового нашего издательства.	94
Глава XX. Организация первой большевистской газеты „Вперед“	98
Глава XXI. Отношение меньшевиков к нашей литературе.	108
Глава XXII. Месть большевиков.	113
Глава XXIII. Отношение меньшевиков к газете „Вперед“	115

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 Ленинград
 ВО 100 ВК 92-2332

24

**Как печатались за границей и тайно доставлялись
в Россию запрещенные издания нашей партии *)**.

(По личным воспоминаниям).

I.

Группа „Освобождения Труда“.

Когда я в 1896 г. приехал в Швейцарию, посланный туда московской соц.-дем. организацией для налаживания связи с группой „Освобождения Труда“, я застал там технику этой первой заграничной ячейки будущей нашей соц.-дем. партии в довольно вялом состоянии. В Женеве работала под руководством тов. Блюменфельда типография группы „Освобождения Труда“. Типография эта—собственно одна наборная—для нелегальной заграничной русской, была недурно оборудована, но продукция ее была мала за

*) Эта моя работа впервые была напечатана в сборнике „Техника большевистского подполья“. Сборник статей и воспоминаний. Выпуск I-ый. (Стр. 200—258) Сборник был издан Истпартом в 1924 году. Статья моя была напечатана в этом сборнике под названием: „Заграничная постановка техники в соц.-дем. рабочей партии и распространение нашей литературы“.

неимением средств. Транспортное же дело почти отсутствовало. Изредка выходявшие брошюры и книжечки распространялись по заграничным книжным магазинам, продавались на русских собраниях и рефератах, но переправа их в Россию была не налажена, и книги отправлялись туда лишь от случая к случаю, что в России чувствовалось очень сильно: работы Плеханова, журнал „Социал-Демократ“ и др. издания группы „Освобождения Труда“ встречались за рубежом в эти годы чрезвычайно редко; это были действительно библиографические редкости.

Так как мне было поручено от московских товарищей принять все меры к доставке книг группы в Россию, то я вскоре вошел в сношение с представителем только что зародившихся латышских организаций, с которыми имел связь еще в Москве. Товарищ Ролау, представитель с.-д. организации латышей в Цюрихе в высшей степени отзывчиво отнесся к намеченному делу и при помощи товарищей латышей, живших в Германии, нам удалось отправить несколько транспортов литературы в Москву, в Петербург, в Саратов и Нижний-Новгород. Вслед за литературой были отправлены печатные станки. Однако вскоре это налаживающееся дело пришлось прекратить, так как рабочий Кварцев по московскому с.-д. процессу 1896 г. выдал меня с головой и охранка и жандармы особенно бдительно стали следить за мной через своих агентов за границей. Пути

же следования транспортов по России также были пересечены охранной полицией, благодаря московским провалам и выдачам.

После этого литературу в Россию нашей цюрихской группе в течение ближайших двух лет пришлось доставлять только время от времени, пользуясь той или иной оказией.

Между прочим, одно время великолепно шли транспорты на Кавказ через Женевскую группу армянской организации „Дашнакцутюн“, которые хотя и были крайними националистами и по всей своей психологии примыкали к народовольческим организациям, но благодаря одному очень просвещенному товарищу из редакции их журнала, гордившемуся своими переводами на армянский язык „Коммунистического манифеста“ и других работ Маркса и Энгельса, нам удалось уломать Дашнаков пересылать нашу литературу в Тифлис. Литература была успешно доставлена по указанным адресам через Константинополь.

Этот дашнакский теоретик, Христофор Микаэлян, и после нередко помогал нам в наших транспортных делах. Он вообще ближе чем кто-либо подходил к русским социал-демократическим организациям, охотно знакомился с нами, брал от нас сведения о выдающихся событиях, совершавшихся в то время в революционной России и помещал их на армянском языке в редактируемом им журнале. Но к марксизму, как к таковому, который должен был бы, по нашему

мнению, освещать путь всякой борьбы, в том числе и борьбы за национальную независимость, борьбы с турецким игом, он относился скептически, как к гурманству. Проповедь самого узкого национализма он считал более революционным делом чем внедрение в массы марксистских основ действия.

Помню, я как-то зашел к нему в Женеве на квартиру—он жил на окраине города,—и застал его в повышенном состоянии, торопящимся что то делать.

— Вот, посмотрите,—сказал он мне, приветливо встречая,—вот неужгодно ли здесь проповедывать марксизм, когда к нам прибыли представители племен, возмущенных турецким режимом, готовые войти с нами в плотный союз, что же прикажете делать: рассказывать им, „что все течет, все изменяется“, что фабричного пролетариата еще мало, но его будет больше, что придет время, когда их всех перережут, „восстанет мститель суровый“, и за них устроит все дела, освободит их.... Нет, мы так рассуждать не можем...—сам ответил он себе.—Вот мы пишем им на их наречии воззвания. Здесь нет ничего „марксистского“, мы ссылаемся на Коран, мы взываем к чувствам, мы поднимаем среди них восстание.

— Но наверное и турки ссылаются на Коран, когда режут вас и ваших союзников,—еле мог я вставить в его пылкую речь.

— Что-ж из того? Наши друзья поймут, что турки делают неправильно...

— А вдруг не поймут и поверят больше туркам, тем более, что они с ними одноверы, а ваши христиане—гяуры...

— Нет, нет, этот скептицизм совершенно не уместен в революционной борьбе... Надо действовать, бить на чувство... Поднимать, восставать... Только в этом залог победы...

— Ведь вот они,—почти и письменности не имеют,—и он показал мне на несколько человек, сидевших в соседней комнате на ковре по турецки... Они быстро встали, когда он вошел. Статные, тонкие, смуглые, загорелые, их глаза блестели упорным и решительным огнем. Они были прекрасны в своей первозданной красоте.

— Они обрекли себя на смерть в борьбе с турками, они умрут за дело...

— В смерти не всегда победа, а просто уничтожение,—сказал я ему.

— Мы все равно восстанем...

— Когда народ восстает, это всегда хорошо, это его право... Но вожди, организаторы должны твердо знать куда и зачем они идут... Неужели вы думаете, что опрокинете Турцию, что когда либо будете сильнее ее?.. Войной вы ее не победите...

— Нам один исход... „умереть в борьбе“...

Я видел, что теоретическими разговорами здесь не поможешь. Здесь отчаяние

затуманило разум, здесь идет война на истребление, и кто пожнет плоды этой войны—неизвестно, но только не армянский народ, так безмерно тогда страдавший под турецко-татарским гнетом, когда помещики этих двух народностей и в России и в Турции устраивали систематические разгромы армянских сел и деревень, дабы захватить их земли, их стада, их сады, все их имущество, уничтожив людей.

Вероятно, теперь дашнаки поняли, что только марксистский метод, широко примененный в России коммунистами, дал прекрасные плоды для счастья, блага и жизни сотен угнетенных народностей.

Но зачем же он переводил „Коммунистический манифест“? Зачем он так пристально читал и перечитывал марксистскую русскую литературу, и так всегда аккуратно посещал все наши открытые собрания и рефераты?

Очевидно у него была потребность теоретического освещения тяжелой действительности, всей той борьбы, во главе которой он стоял. Но все это нужно было для него самого, а для народа,—националистические воззвания, заговоры, перманентные, без плана и цели, восстания, убийства, нападения, взрывы, интриги, заигрывания с буржуазными правительствами, Коран, Библия и весь прочий старый хлам, так уже поистрепанный к тому времени историей в разных странах и у разных народов. Никакие теории, а сама жизнь

должна была доказать армянским революционерам-националистам всю нецелесообразность методов борьбы за освобождение своего народа, пролившего реки мученической крови, применяемого дашнаками, и что залог победы—совсем в другом образе действий, освещенных именно марксистской теорией борьбы классов. И жизнью доказано это. Марксизм, вопреки мнению Микаэляна, оказался вполне применим и к армянской проблеме, также как и к разрешению вопроса об угнетении всех народов, как бы они малы, отсталы и некультурны не были.

II.

„Рабочее Дело“ и первый раскол в социал-демократии.

В эти годы за границей возникла группа „Рабочего Дела“, которая сначала охотно стала перевозить литературу „Группы Освобождения Труда“, предоставив ей право издавать и печатать в ее типографии все, что захочет редакторская тройка группы (Плеханов, Аксельрод, Засулич). Вскоре также появилась заграничная организация Бунда, организация литовцев, организация латышей, и дело заграничной печати сильно оживилось, а вместе с ним и транспортировка с.-д. литературы в Россию. Это была большая волна. Работали с энтузиазмом, само-